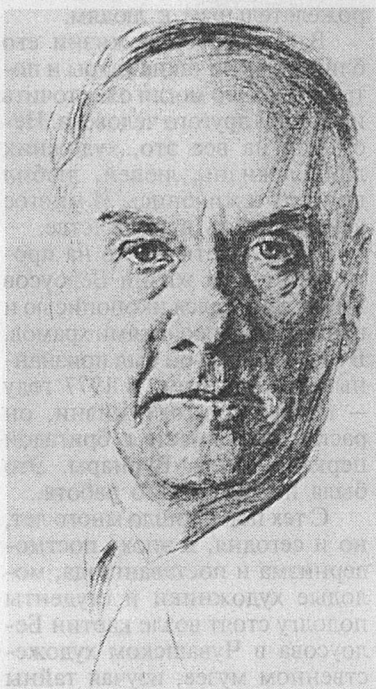

Б.Иогансон. Автопортрет. 1959

На старинной римской вилле Абомелика Лазарева, когда-то завещанной им Императорской Академии художеств, весной 1964 года поселилась очередная группа художников. На балконе второго этажа стоит холст. Широкая кисть раскидывает на нем цветные пятна. Они превращаются в яркое небо, густую тень пиний, белоснежную скатерть столика, вазу с фруктами, бутылку кьянти. Борис Владимирович Иогансон пишет этюд.

Через час мы идем с ним по Виа Делле Форначи. Улица стремительно падает от виллы к Пьяцца Сан Пьетро, к колоннаде Бернини. В тени знаменитого собора Св. Петра толпятся туристы.

– Встреча с искусством всегда ошеломляет, – задумчиво говорит Иогансон. – И волнует каждого, если даже он и совсем далек от художественного творчества. Но это «ошеломление» особенно необходимо человеку талантливому. Ведь способности всегда дремлют. Нужен толчок, чтобы они проявились. И

И пускай с газеты какой-нибудь выродок сражается с нами не на смерть, а на живот.

Всех младенцев перебили по приказу Ирода,

а молодость, ничего – живет!

– Не только выживали, но и бегали с красными повязками. Вы участвовали в сходках?

– Было дело! И все же старался не покидать классы надолго. Революция повлиять отрезвляюще. Вольностей в преподавании стало меньше. Появились индивидуальные мастерские. Я поступил к Константину Александровичу Коровину. Увлеченный красками, он приходил в класс каждый день и писал вместе с нами. Привлекала его откровенность: вот смотрите, я не стесняюсь, пишу вместе с вами! Учил как правильно вести живописный процесс. Заготавливал на палитре основные красочные смеси и широко прокладывал их, а потом «набивал» изображение дополнительными или чистыми цветами.

– Как попали в Екатеринбург?

– Голод заставлял искать возможности заработать. Окончил Училище

в 1918 году. Пригласили на сибирские харчи – преподавать. Колчак наступал, и Екатеринбург оказался отрезанным от Центральной России. Вернулся в Москву после разгрома Колчака только в 1920 году.

– Говорят, вы служили писарем и наблюдали допросы красных?

– Наблюдал за борьбой белых и красных. Видел партизан, внимательно вслушивался в их рассказы о боевых действиях в тылу Колчаковской армии. А работал в художественной школе педагогом.

– Из Екатеринбурга сразу поехали в Херсонскую губернию тоже из-за голода?

– Не только. В Москве меня мобилизовали как дипломированного техника и командировали в город Александрию, в военно-инженерную Дистанцию. Выкраивал время, преподавал в армейских рисовальных кружках и обрабатывал декорациями в театре.

– Ваша дипломная работа в Училище – «Цирк». В стране революция, голод, разруха, а у вас – «Цирк».

– Влияние Коровина. Увлекла задача сгармонизировать цветные

ПОСЛЕДНИЙ ЭТЮД

(Воспоминания о Б.В. Иогансоне)

Художник России – январь-февраль-2006 – с. 6-7

тогда человек сразу и всегда чувствует свое призвание.

Толпы туристов растекаются ручейками. Подъезжают разноцветные автобусы. Под капителями колонн снуют голуби.

– Для меня таким толчком стала встреча с акварельными красками. Мать привела меня в гости к тетке. Она раскрашивала, и на белой тарелке увидел яркие пятна кармина, берлинской лазури, кобальта. А потом, уже в художественной студии Келина, я так же с наслаждением вглядывался в цветастые натюрморты, жадно вдыхая запах скипидара и масляных красок.

... Мы поворачиваем вправо, идем к двери Ватиканского музея. Цены на билеты нам не по карману. На полтора месяца проживания в Италии каждый из нас, советских художников, получил всего двести долларов. Поэтому привезли с собой «сухие папки» – консервы, кон-

центраты, чтобы сэкономить грошки истратить на поездки в Венецию и Флоренцию. Читаем объявление: «В воскресенье вход в музеи Ватикана бесплатный». Это нам подходит.

...Идем через мост. Рыжая вода Тибра выплескивает на отмели мусор. Он шевелится, тычется в камни и снова плывет, покачиваясь. Синее до боли в глазах небо и глинистая, глянцева река. Рим. Вечный город. До нашей группы на Вилле Абомелика жили Кукрыни-сы. На кухонной мраморной столешнице они нарисовали Волчицу – символ Рима и трех «младенцев-Кукрыни-сят», сосущих ее, как некогда делали эти легендарные основатели Рима. Шагаем по набережной. Боковые улочки узенькие, всадники едва разъедутся. Грязь. Из каждого окна выливаются запахи чеснока и еще черт знает каких специй.

– Неужели акварельные краски

– По секрету: терпеть не могу писать картину по этюдам. Лучше сразу – с натуры – на холст. И свежее и вернее, при условии, конечно, что замысел полностью ясен и ты угадываешь композицию на чистом холсте.

– Как же так? Если художник не любит писать картину по этюдам, не поверяет гармонию алгеброй, целиком во власти своего стихийного живописного темперамента, то о сложных композиционных приемах в его произведениях и говорить не приходится!

...После ужина сидим на веранде за последними рюмками коньяка, привезенного из Москвы. На черном бархате ночи высвечивается огромный купол собора Св. Петра – невесомый, таинственный воздушный шар. Мерцают крупные разноцветные звезды. Ветерок обдаёт терпким одеколоном – цветут магнолии и какие-то белые цветы – их качают тени от фонарей.

Напоминаю вопрос, заданный на набережной Тибра.

– Наблюдения заменяют мне этюды. Даже заседаю в президиумах, смотрю на присутствующих,

стали для вас единственным толчком по дороге к живописи?

– Вторым была Третьяковская. Увидел полотна Федотова, Репина, вспыхнула мечта поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

– Но ваш отец бедняк. На какие же деньги рассчитывали учиться?

– Материально помогал дядя, врач, художник-любитель. Он и устроил меня для предварительной подготовки в студию Келина. В 1913 году поступил в Училище. Время это было бурное. Но, как ни странно, годы империалистической войны отличаются обилием выставок. Деньги обесцениваются. Граждане, имеющие капитал, скупают художественные ценности. Даже студенты с успехом продают свои этюды. Волна «этюдизма» захватила и стареющих передвижников.

– Особенно скупали доморощенных импрессионистов?

– Да. Чтоб поярче украсить холмы. Занятия в Училище посещаются плохо. Дисциплина упала. Богема увлекла всех. Студенты взахлеб твердят Маяковского:

сравниваю, отмечаю разницу – как кто сидит, как наклоняет голову. У одних она, как писал Гоголь, похожа на редьку хвостом вниз, у других – хвостом вверх. Наблюдения откладываются в памяти. И, как было у меня с акварелью – толчок, и давно увиденное вспыхивает на экране памяти. Вот и пишу с этого «экрана!» Кроме жизненных впечатлений, имеются и другие формы обогащения духовного багажа: театр, музыка, литература. Многие увлекаются фотографиями. Этот вид изображения отбрасывать нельзя. Известно, что Левитан высоко оценил альбом фотографий, выпущенный Тимирязевым, считая фотоснимки существенным подспорьем для художника. Но фотоснимку никогда не заменит живую натуру!

... Ночь плывет, покачиваясь на волне ветерка, доносящего слабый гул автомобилей с площади Гарибальди. Крикнула сонная птица. Ветка пиний помахала куполу собора. Громче застучали цикады. Скоро рассвет.

Юр. НЕХОРОШЕВ

(Продолжение следует)